

«Привилегия отсталости» и вызовы модернизации: народничество через призму методологии А. Валицкого

© А.А. Макарова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, 119991, Россия

Проанализированы интерпретации народничества выдающегося польского историка русской философии Анджея Валицкого. Основным материалом для исследования выступает не переведенная на русский язык книга “The controversy over capitalism: Studies in the social philosophy of the russian populists” и другие его работы. Актуальность исследования определена методологическим тупиком в изучении феномена народничества, которое традиционно сводится либо к аграрному социализму, либо к революционному движению, что затрудняет выявление его подлинного философского содержания. Рассмотрены и переосмыслены идеи, сформированные такой идеологической платформой, как народничество, предложенной Анджеем Валицким. Использован метод Варшавской школы истории идей, сфокусированный на реконструкции имманентной логики развития философских концептов в их культурном и социальном контексте. Применение этого метода позволяет реконструировать народничество не как социально-экономическую доктрину или политическую практику, а как целостную философию истории. Продемонстрировано, что народничество представляет собой попытку ответа на вызовы модернизации периферийной страны, органично объединяющую критику линейного прогресса, разработку субъективного метода в социологии и поиск некапиталистических альтернатив развития. Отмечено, что ключевые аспекты подхода Валицкого заключаются в следующем: анализ полемики народничества с марксизмом, выявление внутренней связи между этико-философскими установками субъективного метода и последующими экономическими программами. Отдельное внимание уделено исследованиям польского мессианизма и его влиянию на народничество. Подчеркнуто, что концепция Валицкого не только демонстрирует народничество как сложный идеологический комплекс, но и вписывает в общеевропейский контекст дискуссий о прогрессе, показывая русскую философию как часть мировой. Сделан вывод, что, несмотря на дискуссионность отдельных тезисов, данный подход может быть значим для науки, так как предлагает релевантную оптику, анализирующую проблемы периферийного развития в условиях глобализации.

Ключевые слова: *Андрей Валицкий, народничество, философия истории, история идей, русская философия*

В общественной мысли XIX в. народничество может быть рассмотрено как движение, продолжившее дебаты о национальной идентичности России, ее отношениях с Западом и природе социального прогресса. Указанные векторы именно в рамках данного направления мысли получили теоретическое обоснование, конкретно-историческую разработку и практическое воплощение в социальных

проектах. Народничество предложило синтез критического анализа западноевропейского опыта модернизации и апологии архаичных социальных институтов, важнейшим из которых являлась крестьянская община. Данная теоретическая рефлексия возникла из-за угрозы надвигающегося капиталистического пути развития и необходимости трансформации общества.

Несмотря на историческую дистанцию, современные исследования до сих пор актуализируют необходимость прояснения понятия народничества [1]. Как показывает историко-философский анализ, большинство ученых склонны квалифицировать данное явление как аграрный социализм, сформировавшийся в Российской империи во второй половине XIX в. Появляется возможность осуществить переход к социализму путем преобразования артелей и крестьянских общин, минуя стадию капиталистического развития. Истоки идей народничества прослеживаются, по мнению ученых, в трудах А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, в то время как концептуальное оформление было осуществлено М.А. Бакуниным, П.Л. Лавровым и П.Н. Ткачевым. Практической реализацией этих идей стало движение «хождение в народ», достигшее своей радикальной фазы в террористической деятельности организации «Народная воля». Позднее главенствующей идеологией стал марксизм. Подобные концепции представлены работами авторитетных зарубежных исследователей в области философии, например Р. Пайпса [2] и Ф. Вентури [3].

Несмотря на внешнюю убедительность, данный исследовательский подход сталкивается с методологическими трудностями. В частности, он не позволяет провести демаркационную линию между самостоятельным течением общественной мысли и революционным движением. Такой подход акцентирует внимание на социально-экономической программе, а не философских идеях.

Марксистская парадигма задала вектор осмысления народничества в России на десятилетия вперед, определив его как подготовительный, а не самостоятельный период мысли. В результате все было сведено к утопическим воззрениям и неверной интерпретации идей К. Маркса. Сам термин был использован П.Б. Струве, однако В.И. Ленин первым дал конкретную историческую и социологическую коннотацию, указывая на то, что народничество было протестом против капитализма с точки зрения малого производителя, который, будучи разорен капиталистическим развитием, видел в нем регресс, но в то же время требовал отмену прежних феодальных форм эксплуатации. В общедемократических положениях своих программ народники были прогрессивны, но их социалистические теории, согласно Ленину, были мелкобуржуазными и утопическими, так как идеал они искали в устаревших формах общества [4, с. 38].

Таким образом, формировалась позиция, что народники осознали проблемы, которые возникли в связи с модернизацией, однако не смогли решить их с научной точки зрения, предоставив данную возможность марксизму. Доминирование такой позиции в XX в. было закономерным следствием гегемонии марксизма-ленинизма в отечественной науке.

Можно сделать вывод, что существующие трактовки народничества балансируют между двумя полюсами, каждый из которых имеет собственные методологические ограничения. Широкий подход рассматривает народничество как совокупность демократических течений, отстаивавших интересы мелкотоварного производства (преимущественно крестьянского) и искавших альтернативные капитализму пути развития. Подобная оптика чрезмерно расширяет хронологические и содержательные границы понятия, включая в него как революционное движение 1870-х годов, так и либеральное народничество 1880–1890-х годов, и даже социалистов-революционеров XX столетия, не позволяя четко определить место народничества в спектре антикапиталистических воззрений.

Исторически узкое понимание марксистов ограничивает народничество периодом середины 1870-х годов, акцентируя его характерную черту — утверждение гегемонии масс над образованной элитой. В данной интерпретации более поздние идеологические построения оказываются за рамками народнической традиции, представляя собой качественно иные феномены. Таким образом, изучение народничества оказалось в методологическом тупике, ключевой задачей остается определение смысловых и хронологических границ явления и его отличие от других форм антикапиталистической мысли.

Вариант решения предлагает польский историк идей Анджей Валицкий: пересмотреть основания для анализа. Народничество он исследует в рамках своей авторской концепции «потока идей» [5] как интегральной модели русской интеллектуальной истории от Просвещения до религиозно-философского ренессанса, наиболее подробно изложенной в не переведенном на русский язык труде “The controversy over capitalism: Studies in the social philosophy of the russian populists” [6].

Его подход, преодолевающий дихотомию широкого и узкого понимания, заключается в принципиальном смещении фокуса: с социально-экономического контекста на имманентную логику развития философских концептов. Анджей Валицкий со своими идейными сподвижниками Варшавской школы идей, среди которых исследователь марксизма Лешек Колаковский, заложивший основные методологические принципы, а также философ Бронислав Бачко и социолог Ежи Шацкий, отталкивались от традиции, заложенной в 1920-е годы А.О. Лавджоем и его концепцией «цепи бытия» [7].

Однако подход польских исследователей был направлен на целостные идеологии и системы аргументации, которые они рассматривали в культурном контексте, но не объясняли исключительно им.

Методологическое кредо школы можно свести к нескольким базовым положениям: примат герменевтического понимания имманентной логики идей над поиском их внешней детерминации; изучение идей в социально-культурном контексте их возникновения, а не только как теоретических изысканий; отдельные мировоззрения как единицы исследований. Представители данной школы придерживались принципа, согласно которому исследователь должен находиться вне объекта исследования, ценили объективность, плюрализм и независимость науки от главенствующей идеологии, которая выступала для них продуктом исторических условий своего времени [8, с. 9].

Как подчеркивает сам исследователь, подход представителей Варшавской школы, критикуемый за нигилизм и всеобщий релятивизм, может быть characterized не равнодушием, а осознанием частичности, исторической регулятивности всех истин, стремлением к всестороннему пониманию в духе методологии Баденской школы неокантианства и плюрализма ценностей [9, с. 175].

Таким образом, Валицкий подходит к философской мысли как к непрерывному диалогу, в котором концепты, откликаясь на внешние вызовы, развиваются по своей внутренней логике. Данный ракурс позволяет ему реконструировать народничество как целостную философию истории, объединенную критикой линейного прогресса, отстаиванием субъективного метода и поиском альтернативных моделей модернизации. Это снимает как расплывчатость широкого подхода, так и ограничения узкого, поскольку специфика феномена приводится теперь по единству фундаментальных философских проблем и способов их концептуализации.

М.А. Маслин, комментируя их переписку с польским историком идей, отмечает, что подход Валицкого отличался от превалирующей в научной литературе концепции «нормативного» революционного демократизма, которая подгонялась под цитаты Ленина. Валицкого, подчеркивает он, интересовали характерные черты мировоззрения народников, а не степень их революционности. Исследователь воспринимал их идеи как попытку осмысления проблематики «периферии капитализма», предвосхитившей построения Маркса [9, с. 162]. Само исследование народничества польским историком философии Маслин называет целостным подходом к освещению русской интеллектуальной истории, поскольку Валицкий равным образом изучал различные мировоззренческие варианты русской мысли [10, с. 87].

Американский историк Алан Кимбалл отмечает, что, несмотря на ряд недостатков, Валицкий предложил примечательную и убедительную переоценку интеллектуального движения, сделав провокационные

выводы о взаимосвязи народничества и марксизма и о том, что особенностями данного явления типичны для всех отсталых стран в процессе модернизации [11, с. 844].

Методологические институты Валицкого сформировались под влиянием его анализа польского мессианизма. Исследуя материал, связанный с утратой государственности и периферийным развитием, он выработал оптику, позволившую ему увидеть философско-исторический ответ поиска некапиталистического преодоления экономической и социальной отсталости страны [12].

В подходе Валицкого народничество представляет собой идеологический комплекс идей, являющийся закономерным откликом на возникшие социально-экономические проблемы России после реформы 1861 года. Акцентируя внимание на самобытном пути России, народничество осмысляло необходимость механического повторения универсальной последовательности фаз развития, пройденных другими обществами [13, с. 316]. Польский исследователь полагает, что народничество сформировалось в результате синтеза идейного наследия 1840-х годов. Герцен в своей теории русского социализма соединил славянофильскую идеализацию общины с западным культом личности и социалистическим идеалом. От него также пошло противоречие, заключающееся в совмещении идеала автономной личности, которая является продуктом буржуазного развития, с апологией докапиталистической общины, отрицающей подобное [14, с. 654].

Дополнительно Валицкий подчеркивает факт влияния на его мировоззрение А. Мицкевича — представителя польского мессианизма. Основой творчества Герцена стали лекции Мицкевича в Коллеж де Франс и его идея синтеза польской и русской мысли. Мицкевич полагал, что этот синтез, ведущий к новому откровению, ознаменует собой христианизацию политики. А Герцен сохранил структуру исторического предназначения, но наполнил ее социалистическим содержанием и перенес с поляков, имеющих историю, на русский народ, свободный от нее [15, с. 72]. Таким образом, Валицкий демонстрирует польские корни одной из фундаментальных институций народничества — идеи особой миссии России, основанной на сохранившейся общине и привилегии отсталости.

Валицкий разграничивает раннее и классическое народничество. Критерием для такой дифференциации он считает разницу подходов к проблеме взаимоотношений России и Запада. Ранние народники (восходящие к Герцену и славянофилам) акцентировали свое внимание на критике Запада и защите национальной самобытности России. Классические представители разрабатывали модели некапиталистического развития страны [6, с. 114].

Дата, которая в концепции Валицкого считается появлением идеологии классического народничества, — 1869 г. Обусловлено это появлением трех программных документов: «Исторические письма» Лаврова [16], трактат Михайловского «Что такое прогресс?» [17] и книга Берби-Флеровского «Положение рабочего класса в России» [18].

Данные классические документы ставили под сомнение оптимистическую веру в прогресс и подчеркивали противоречивость исторических процессов. Помимо этого, они отвергали теории, согласно которым Россия должна была следовать за Западом по пути развития, подчеркивая нищету и новые формы эксплуатации в деревнях. Вывод заключался в следующем: необходимо предотвратить капиталистический путь развития, используя вместо этого те возможности, которые есть в крестьянской общине.

Валицкий интерпретирует народничество как часть общеевропейской дискуссии о прогрессе. П. Лавров, по мнению исследователя, формирует этическую часть философии народников и ставит вопрос о цене прогресса. Анализируя субъективный метод, можно выделить три его положения: этический (несводимость моральной оценки к состоянию реальности), гносеологический (ценностная обусловленность познания) и философско-исторический (активная роль «критически мыслящей личности») [6, с. 128].

С точки зрения Валицкого, главным в философии Лаврова является разрыв с позитивистской парадигмой исторического детерминизма. Прогресс не может быть сведен к необходимым законам, исторические события всегда уникальны, а идеал — продукт целеполагающей деятельности индивида. Данная теоретическая установка становится основанием и для теории осмысленного действия: история как таковая начинается лишь с появления критически мыслящих личностей, осуществляющих двойную работу — критики традиционной культуры и идеализации, т. е. проектирования цивилизации, основанной на науке и рациональных нормах [16, с. 276].

Вписывая теорию Лаврова в поток идей русской философской мысли, Валицкий отмечает в ней преемственность идей Белинского, Герцена или просветителей 1860-х годов, например Чернышевского и Писарева, которые переоценивали роль интеллектуальных факторов в развитии общества [6, с. 136]. Таким образом, Лавров предложил альтернативную модель исторического развития, уделив внимание рациональному решению индивида.

Если он заложил философско-этические основы протеста, сформулировав субъективный метод, то Н.К. Михайловский придал этому социологическое измерение, углубив размышления о природе прогресса, проведя фундаментальное различие между прогрессом личности и общества. Их несовместимость он иллюстрировал законом Бэра и пришел к выводам, что совершенствование органов и развитие организма —

взаимоисключающие понятия. Согласно его позиции, крестьянская община представляла собой однородное общество, члены которого были разносторонними независимыми личностями. Таким образом, отсталость становилась привилегией, поскольку тип развития был выше, чем в странах с высоким уровнем развития [17, с. 137].

Валицкий демонстрирует, что Михайловский интуитивно в своих размышлениях пришел к феномену отчуждения, по терминологии раннего Маркса, хотя концептуализировал его в собственной системе категорий как «эксцентризм» личности, разрушаемый общественным разделением труда. Антиномия между прогрессом общества и личности может быть выведена из концепции Маркса о совершенствовании коллективного работника, которая достигается за счет развития отдельного трудящегося и в обратном отношении к нему [6, с. 148].

Таким образом, Михайловский через призму взглядов Валицкого выступает мыслителем, который сумел вычленить из «Капитала» критический пафос и встроить его в собственную теоретическую систему, гласящую о разрушительном воздействии капиталистического разделения труда на целостность человеческой личности.

Логическим завершением философии истории выступает для Валицкого революционный волюнтаризм П. Ткачева. Он показывает нетривиальное прочтение идей данного мыслителя, обнаруживая сочетание экономического материализма с отрицанием исторического детерминизма [6, с. 149].

Ткачев полагал, что социализм может наступить до капитализма, что коренным образом противоречило идеям марксистов, постулирующих обязательность капиталистической стадии. Отсутствие буржуазной революции в России для него было аргументом в пользу успеха социалистической революции, поскольку показывало слабость капитализма против революционеров. Переходный этап в русской истории, когда феодальная формация умирала, а капитализм был на пути становления, мог стать социалистическим [19, с. 94]. Подобный тезис, по мнению Валицкого, подчеркивает преимущество отсталости, а не слабость, и позволяет революционному меньшинству компенсировать недостаток объективных условий. Ткачев отрицает также линейное движение истории, поскольку заявляет о возможности изменения порядка фаз развития общества, что для Валицкого служит еще одним аргументом в пользу оригинальной философии истории народников.

К аналогичным выводам пришел Г.В. Плеханов, будучи народником и утверждая, что законы развития похожих обществ могут привести к разным результатам [20, с. 78]. Как подчеркивает Валицкий, мыслитель сделал этот вывод на основе интерпретации слов Маркса «встать на правильный путь открытия/изучения законов природы» [6, с. 176]. Плеханов посчитал это доказательством того,

что если Россия еще не вступила на путь капитализма, то может выбрать свой вариант. Однако такое мнение содержало методологическую ошибку: смешение гносеологического и онтологического планов. Данный тезис Маркса имеет универсальный характер и отрицает саму возможность произвольного движения через стадии социально-экономической эволюции, независимо от специфики местных условий.

Неверные трактовки Маркса репрезентируют критический момент в народнической идеологии: осознание необходимости опереться на объективные законы истории и одновременно — фатальную неспособность совместить это требование с верой в особый путь России.

Согласно позиции Валицкого, классическое народничество не только находилось под влиянием марксизма, но и в определенном смысле было рождено им, являясь русской реакцией на образ капиталистического развития, созданный социалистической мыслью Запада [13, с. 168]. Народники осуществляли рецепцию идей Маркса: признавали его критику политической экономии, но категорически отвергали его философию истории, основанную на идее объективной закономерности. Центральным пунктом расхождения стала проблема исторической цены прогресса: если марксизм оправдывал негативные последствия капитализма ради лучшего будущего, то народничество выдвигало против этого безусловный этический протест.

Философская составляющая народничества заключалась в критике прогресса и разработке субъективного метода. Отрицание исторического детерминизма сформировало теоретическое поле для поиска альтернативных моделей развития. Для Валицкого важна демонстрация народничества как полноценного направления в истории русской философии, которое не только формулирует проблему, но и предлагает ее решение. Поэтому особое внимание он уделяет народникам-экономистам В.В. Берви-Флеровскому, В.П. Воронцову и Н.Ф. Даниэльсону, которые разрабатывали альтернативные модели модернизации. На их примере польский исследователь показывает, как из морально-субъективных сторон дискуссии с марксистами вырастает системная и экономически обоснованная программа [6, с. 147].

Исследование В.В. Берви-Флеровского, высоко отмеченное Марксом, заявляет о необходимости перестать ориентироваться на западные образцы экономической и социальной сферы и увеличивать производительность сельского хозяйства [18]. Вклад данного мыслителя Валицкий видит в эмпирическом обосновании новой стратегии развития, а не в следовании по пути капитализма. Протестуя против обобществленного труда и подчеркивая экономическую независимость крестьян, В.В. Берви-Флеровский близок к воззрениям Михайловского, а его «Положение рабочего класса в России» являлось важным этапом в развитии теории некапиталистической модернизации [6, р. 140].

Методологическим ядром аргументации Воронцова является различие экстенсивного и интенсивного путей развития промышленности. Сосредоточившись на запоздалости российского капитализма, который к тому же лишен доступа к внешним рынкам, он подчеркивает отсутствие возможности расширения сферы занятости и обобществления труда, что исторически бы оправдало прогресс. В России сценарий развития будет интенсивным, а значит, русская версия капитализма станет пародией на западный пример, который искусственно поддержан государственной политикой. Подобное исследование может быть рассмотрено как попытка доказать тот факт, что объективный ход истории работает против капитализма [21].

К аналогичному выводу пришел Даниэльсон, что особенно показательно, ведь он стал первым переводчиком «Капитала» Маркса на русский язык, продолжив работу народника-революционера Г. Лопатина. Именно благодаря народникам идеи «Капитала» начали распространяться среди российских крестьян и рабочих. Используя аргументацию Маркса и ссылаясь на аргументы отсутствия внешних рынков, он подчеркнул катастрофические последствия для крестьянства и верил, что обобществление труда может быть осуществлено без капиталистической стадии [22].

Оба мыслителя альтернативу видели в индустриализации, инициируемой и контролируемой государством. Только таким образом можно было преодолеть экономическую отсталость страны и выдержать конкуренцию с западными странами в вопросе рынков сбыта своей продукции. Различие, существующее между ними, на практике могло быть сведено к тому, как они оценивают средства борьбы с капитализмом: дешевый кредит для ремесленников, снижение налогов, бесплатные агрономические консультации для крестьян. Даниэльсон воспринимал подобные меры скептически, а Воронцов считал, что они могут помочь [6, с. 162]. Это различие в подходах демонстрирует внутренний плюрализм народнической мысли: от скептического экономического детерминизма Даниэльсона до оптимистичного убеждения Воронцова в возможности изменения экономических процессов посредством реформ.

Применяя свою методологию к конкретным идеям, Валицкий, в частности, поддерживает тезис о том, что восприятие крестьянской общины как движущей силы социального возрождения России несколько преувеличено. Он объясняет такую логику натурализмом XIX в., который, проводя параллель между развитием общества и органическим ростом, всегда искал естественный источник эволюции; это также было связано с верой в спонтанное развитие, разделяемой тогда большинством [6, с. 165].

Важно отметить, что Валицкий подчеркивает веру народничества в возможность осуществления экономических программ без политических реформ [13, с. 315]. Политическая революция народниками воспринималась как практика, которая будет способствовать интересам буржуазии, а потому отрицалась. Например, Михайловский использовал «Капитал», чтобы доказать, что социальные вопросы должны главенствовать над политическими, которые выступают лишь отражением экономического состояния общества [6, с. 168].

Таким образом, в мировидении народников социальная революция должна была предшествовать политической, т. е. следовало коренным образом изменить экономическую сферу, что приведет к трансформации в политической.

Кроме того, факторами изначальной аполитичности народников Валицкий называет влияние Бакунина, который считал, что борьба за всеобщие избирательные права недостойна социалиста, а также переживания «кающегося дворянства», описанные Лавровым. Для представителей интеллигенции подобная тактика была своеобразной формой самоотречения и уплаты долга, поскольку для народа политическая свобода, казалось, смысла не имела [13, с. 348].

Как правило, в историографии фигурирует точка зрения о том, что народники неверно истолковывали труды Маркса. Однако подобная точка зрения для Валицкого несостоятельна. Польский исследователь утверждает, что народники адаптировали идеи марксизма к собственным теоретическим построениям и реалиям страны, где не пролетариат был в центре внимания, а представители крестьянства. На материале экономических взглядов народников Валицкий делает вывод о том, что народничество не просто идеология малых производителей, а важное теоретическое отражение специфики развития аграрных стран, которые вынуждены осуществлять процесс модернизации в соседстве с высокоразвитыми индустриальными нациями [6, с. 162].

Капитализм ставит вопрос об экономической состоятельности страны или ее эксплуатации более развитыми государствами. Таким образом, формируется проблема периферийного развития. Польский историк русской философии вписывает народничество в интеллектуальный процесс, следующий от тезисов Чаадаева о российской истории как *tabula rasa*. Данный аспект проявился в трудах Герцена, особенно в его представлении о России как о пролетарии среди буржуазных наций. Идея о том, что отсталые страны в целом ближе к социализму, чем развитые, восходит, по крайней мере, к Бакунину, а проблема внешних факторов была подробно рассмотрена в произведениях Чернышевского [6, с. 192].

Однако именно народники провели синтез всех этих идей в целостную социально-экономическую программу, сочетавшую антифеодальный демократизм с мелкобуржуазной консервативной реакцией

против буржуазного прогресса. Заслуга народничества также в постановке вопроса о некапиталистической индустриализации как возможности опередить более развитые страны. Одна из первых попыток решения проблемы экономической отсталости страны делает народничество важной главой в мировой истории альтернативных путей модернизации.

Утверждения Валицкого о взаимосвязи народничества и марксизма носят дискуссионный характер. Наиболее явные примеры — «Поздний Маркс и Русский путь» английского марксолога и руссиеведа русского происхождения Теодора Шанина [23] и статья американского историка Ричарда Уортмана [24]. Шанин в своей работе отмечает тенденцию заметного интеллектуального сближения народников и позднего Маркса, который все больше интересуется Россией и приходит к схожим выводам с Валицким.

Ричард Уортман считает, что подобные утверждения требуют дальнейшей проработки. Когда Валицкий пишет о сильном влиянии Маркса на движение, он не делает акцент на других исследователей, чьи идеи лежат в основе народничества. Например, Спенсер, Милль, Прудон, Дьюринг и др. По его утверждению, народники представлены у Валицкого неполноценными марксистами, а эклектичная природа их идеологии затемняется [24, с. 674].

Данный упрек не учитывает цель Валицкого — показать народничество как самостоятельный феномен. Он не отождествляет его с марксизмом, а помещает в общее интеллектуальное поле, позволяя проявиться специфике. Валицкий уверен: научная критика марксизма стала для классического народничества объединяющим фактором.

Критику можно парировать и апелляцией к тезису о взаимобратном влиянии народничества на марксизм, используя черновики писем Маркса к Засулич и введение к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса 1882 г. [6, с. 196]. Валицкий оспаривает приоритет Шанина в разработке данного вопроса, поправляя Маслина и ссылаясь на свою монографию, где проводит анализ эволюции взглядов Маркса и Энгельса на русскую общину [9, с. 189].

Маркс и Энгельс изначально опровергли идею о том, что русские были избранной нацией для социализма, но допустили сохранение общины при условии пролетарской революции на Западе. И если Энгельс настроен скептически, то Маркс позже отметит, что его труд не содержит универсальной теории экономического развития и вариант с общиной возможен при устранении внешних препятствий и обеспечении условий для спонтанного развития [6, с. 192].

Тот факт, что Маркс стал задумываться о возможности сохранения общины и ситуации в России, Валицкий считает достаточным

основанием для признания идей народников одной из самых интересных глав в истории общественной мысли XIX в. [6, с. 233].

В заключение следует отметить, что на основе концепции народничества Анджея Валицкого можно вывести особенности данной идеологической платформы. Во-первых, это социализм, ориентированный на крестьянство, характерной чертой которого было сочетание ретроспективного утопизма с современным социализмом. Во-вторых, данное движение характерно для отсталых стран в противостоянии с развитыми капиталистическими странами. В-третьих, большая роль интеллигенции в формировании явления. В-четвертых, это возможность отождествления капитализма с чем-то приходящим извне и, следовательно, возможность сочетания народнических идей, например, с националистическими мотивами.

Польский исследователь обозначает, что народничество характеризует сочетание демократического радикализма и идеи протеста против капитализма с точки зрения небольших производителей. Методология Анджея Валицкого, сфокусированная на имманентной логике развития понятий, позволила представить народничество не как архаичную утопию или тактику революционной борьбы, а как сложный, типологически значимый феномен в истории европейских антикапиталистических утопий. Это было полноценное течение философской мысли, предложившее ответ на вызовы модернизации.

Несмотря на дискуссионность отдельных тезисов, концепция Валицкого не только проясняет место народничества в русской мысли, но и вписывает его в общеевропейский контекст дискуссий о цене прогресса, привилегии отсталости и нелинейности исторического времени, что делает его работы актуальными для осмысления проблем глобализации в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Мокшин Г.Н. Что такое народничество? Материалы к дискуссии. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 2020, № 3, с. 84–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-narodnichestvo-materialy-k-diskussii> (дата обращения 20.10.2025).
- [2] Pipes R. Narodnichestvo: A Semantic Inquiry. *Slavic Review*, 1964, vol. 23, no. 3, pp. 56–74.
- [3] Venturi F. *Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in 19th Century Russia*. New York, Alfred A. Knopf, 1960, 736 p.
- [4] Козьмин Б.П. *Из истории революционной мысли в России. Избранные труды*. Москва, Издательство Академии наук, 1961, 410 с.
- [5] Walicki A. *The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2015, 584 p.

- [6] Walicki A. *The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists*. Oxford, Clarendon Press, 1969, 234 p.
- [7] Лавджой А. *Великая цепь бытия: История идеи*. Москва, Дом интеллектуальной книги, 2001, 372 с.
- [8] Walicki A. On Writing Intellectual History: Leszek Kolakowski and the Warsaw School of the History of Ideas. *Critical Philosophy*, 1984, vol. 1, no. 2, pp. 5–23.
- [9] Валицкий А. Иной взгляд на Россию: Письма из «русского архива». *Философский журнал*, 2021, т. 14, № 2, с. 167–195.
- [10] Маслин М.А. Анджей Валицкий как историк русской философии. *Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия*, 2014, № 6, с. 85–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/andzhey-valitskiy-kak-istorik-russkoy-filosofii> (дата обращения 20.10.2025).
- [11] Кимбалл А. [Review of the book by Andrzej Walicki]. *American Historical Review*, 1970, vol. 75, no. 3, pp. 842–844.
- [12] Walicki A. *Philosophy and Romantic Nationalism: The Case of Poland*. Oxford, Clarendon Press, 1982, 415 p.
- [13] Валицкий А. *История русской мысли от Просвещения до марксизма*. Москва, Канон+, 2013, 480 с.
- [14] Валицкий А. *В кругу консервативной утопии: Структура и метаморфозы русского славянофильства*. Москва, Новое литературное обозрение, 2019, 456 с.
- [15] Walicki A. Mesjanizm Adama Mickiewicza a „rosyjski socjalizm” Aleksandra Hercena. *Myśl i słowem. Polsko-rosyjski dyskurs ideowy XIX wieku*. Warszawa, PISM, 2014, s. 69–92.
- [16] Лавров П.Л. *Исторические письма*. Санкт-Петербург, Типография А.М. Котомина, 1884, 338 с.
- [17] Михайловский Н.К. *Что такое прогресс? Михайловский Н.К. Герои и толпа: Избранные труды по социологии. В 2 т. Т. 1*. Санкт-Петербург, Алетейя, 1998, с. 119–171.
- [18] Берви-Флеровский В.В. *Положение рабочего класса в России: Наблюдения и исследования*. Санкт-Петербург, Н.П. Поляков, 1869, 494 с.
- [19] Ткачев П.Н. Недодуманные думы. Ткачев П.Н. *Избранные сочинения на социально-политические темы. В 4 т. Т. 2*. Москва, Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932, с. 224–257.
- [20] Плеханов Г.В. *Закон экономического развития общества и задачи социализма в России. Сочинения. Т. 1: Статьи до 1883 года*. Москва, Ленинград, Госиздат, 1923, с. 25–43.
- [21] Воронцов В.П. *Судьбы капитализма в России*. Санкт-Петербург, Типография М.М. Стасюлевича, 1882, 310 с.
- [22] Даниэльсон Н.Ф. *Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства*. Санкт-Петербург, Типография М.М. Стасюлевича, 1893, 353 с.
- [23] Shanin T. *Late Marx and the Russian Road: Marx and the Peripheries of Capitalism*. New York, Monthly Review Press, 1983, 367 p.
- [24] Wortman R. [Review of the book by Andrzej Walicki]. *The Journal of Modern History*, 1970, vol. 42, no. 4, pp. 673–676. URL: <http://www.jstor.org/stable/1905850> (дата обращения 20.10.2025).

Статья поступила в редакцию 16.03.2026

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Макарова А.А. «Привилегия отсталости» и вызовы модернизации: народничество через призму методологии А. Валицкого. *Гуманитарный вестник*, 2026, вып. 2. EDN ILOULG

Макарова Анна Алексеевна — аспирант кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. e-mail: annetta_makarova@mail.ru

“The Privilege of Backwardness” and the Challenges of Modernization: Narodnichestvo through the Methodology of A. Walicki

© A.A. Makarova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia

Interpretations of Narodnichestvo proposed by the outstanding Polish historian of Russian philosophy, Andrzej Walicki, were analyzed. The main source of the study is represented by the book “The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists”, which has not been translated into Russian, as well as by his other works. The relevance of the research is determined by a methodological impasse in the study of Narodnichestvo, which is traditionally reduced either to agrarian socialism or to a revolutionary movement, thereby preventing the identification of its genuine philosophical content. The ideas formed within the ideological framework of Narodnichestvo, as interpreted by Andrzej Walicki, were examined and reconsidered. The methodological approach of the Warsaw School of the History of Ideas was employed, within which the reconstruction of the immanent logic of the development of philosophical concepts in their cultural and social context is carried out. Through the application of this method, Narodnichestvo is reconstructed not as a socio-economic doctrine or a political practice, but as an integral philosophy of history. It is demonstrated that Narodnichestvo constitutes an attempt to respond to the challenges of modernization in a peripheral country, within which a critique of linear progress, the development of the subjective method in sociology, and the search for non-capitalist alternatives of development are combined. It is established that the key features of Walicki’s approach include the analysis of the polemics between Narodnichestvo and Marxism, as well as the identification of the internal connection between the ethical and philosophical foundations of the subjective method and subsequent economic programs. Particular attention is devoted to the analysis of Polish messianism and its influence on Narodnichestvo. It is emphasized that Walicki’s concept allows Narodnichestvo to be interpreted not only as a complex ideological formation, but also as a phenomenon situated within the broader European context of debates on progress, whereby Russian philosophy is presented as an integral part of world philosophy. It is concluded that, despite the debatable nature of certain theses, this approach may be considered significant for contemporary scholarship, as it provides a relevant analytical framework for examining the problems of peripheral development under conditions of globalization.

Keywords: Andrzej Walicki, Narodnichestvo, philosophy of history, history of ideas, Russian philosophy

REFERENCES

- [1] Mokshin G.N. Chto takoe narodnichestvo? Materialy k diskussii [What is Narodnichestvo? Materials for discussion]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2020, no. 3, pp. 84–92. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-narodnichestvo-materialy-k-diskussii> (accessed October 20, 2025).
- [2] Pipes R. Narodnichestvo: A Semantic Inquiry. *Slavic Review*, 1964, vol. 23, no. 3, pp. 56–74.

- [3] Venturi F. *Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in 19th Century Russia*. New York, Alfred A. Knopf, 1960, 736 p.
- [4] Kozmin B.P. *Iz istorii revolyutsionnoy mysli v Rossii. Izbrannye trudy* [From the history of revolutionary thought in Russia. Selected works]. Moscow, Academy of Sciences Press, 1961, 410 p.
- [5] Walicki A. *The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2015, 584 p.
- [6] Walicki A. *The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists*. Oxford, Clarendon Press, 1969, 234 p.
- [7] Lovejoy A. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Harvard University Press, 1936 [In Russ.: Lovejoy A. Velikaya tsep bytiya: Istoriya idey. Moscow, Dom Intellektualnoy knigi Publ., 2001, 372 p.].
- [8] Walicki A. On Writing Intellectual History: Leszek Kolakowski and the Warsaw School of the History of Ideas. *Critical Philosophy*, 1984, vol. 1, no. 2, pp. 5–23.
- [9] Walicki A. Inoy vzglyad na Rossiyu: Pisma iz "russkogo arkhiva" [A different view of Russia: Letters from the "Russian archive"]. *Filosofskiy zhurnal — Philosophy Journal*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 167–195.
- [10] Maslin M.A. Andzhey Valitskiy kak istorik russkoy filosofii [Andrzej Walicki as a historian of Russian philosophy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Philosophiya — Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy*, 2014, no. 6, pp. 85–97. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/andzhey-valitskiy-kak-istorik-russkoy-filosofii> (accessed October 20, 2025).
- [11] Kimball A. [Review of the book by Andrzej Walicki]. *American Historical Review*, 1970, vol. 75, no. 3, pp. 842–844.
- [12] Walicki A. *Philosophy and Romantic Nationalism: The Case of Poland*. Oxford, Clarendon Press, 1982, 415 p.
- [13] Walicki A. *Istoriya russkoy mysli ot Prosvescheniya do marksizma* [A History of Russian thought from the enlightenment to marxism]. Moscow, Kanon+ Publ., 2013, 480 p.
- [14] Walicki A. *V krugu konservativnoy utopii: Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofilstva* [In the circle of conservative utopia: Structure and metamorphoses of Russian slavophilism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019, 456 p.
- [15] Walicki A. Mesjanizm Adama Mickiewicza a „rosyjski socjalizm” Aleksandra Hercena. *Myśl i słowem. Polsko-rosyjski dyskurs ideowy XIX wieku*. Warszawa, PISM, 2014, pp. 69–92.
- [16] Lavrov P.L. *Istoricheskie pisma* [Historical letters]. Saint Petersburg, Tipografiya A.M. Kotomina, 1884, 338 p.
- [17] Mikhaylovskiy N.K. Chto takoe progress? [What is progress?]. In: Mikhaylovskiy N.K. *Geroi i tolpa: izbrannye trudy po sotsiologii* [Heroes and the crowd: Selected works on sociology]. In 2 vols. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 1998, vol. 1, pp. 119–171.
- [18] Bervi-Flerovskiy V.V. *Polozhenie rabochego klassa v Rossii: Nablyudeniya i issledovaniya* [The condition of the working class in Russia: Observations and studies]. Saint Petersburg, N.P. Polyakov, 1869, 494 p.
- [19] Tkachev P.N. Nedodumannye dumy [Incomplete reflections]. In: Tkachev P.N. *Izbrannye sochineniya na sotsialno-politicheskie temy* [Selected works on socio-political topics]. In 4 vols. Vol. 2. Moscow, Izdatelstvo Vsesoyuznogo obshchestva byvshikh politkatorzhan i ssylnoposelentsev, 1932, pp. 224–257.
- [20] Plekhanov G.V. *Zakon ekonomicheskogo razvitiya obshchestva i zadachi sotsializma v Rossii* [The law of economic development of society and the tasks of

- socialism in Russia]. In: Plekhanov G.V. *Sochineniya. T. 1: Statyi do 1883 goda* [Works. Vol. 1: Articles before 1883]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1923, pp. 25–43.
- [21] Vorontsov V.P. *Sudby kapitalizma v Rossii* [The fate of capitalism in Russia]. Saint Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1882, 310 p.
- [22] Danielson N.F. *Ocherki nashego poreformennogo obschestvennogo khozyaystva* [Essays on our post-reform social economy]. Saint Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1893, 353 p.
- [23] Shanin T. *Late Marx and the Russian Road: Marx and the Peripheries of Capitalism*. New York, Monthly Review Press, 1983, 367 p.
- [24] Wortman R. [Review of the book by Andrzej Walicki]. *The Journal of Modern History*, 1970, vol. 42, no. 4, pp. 673–676. Available at: <http://www.jstor.org/stable/1905850> (accessed October 20, 2025).

Makarova A.A., Postgraduate Student, Department of the History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.
e-mail: annetta_makarova@mail.ru